

А. К. ЧЕРНОГЛАЗОВ*

ПОД ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ЧЕРТОЙ

Аннотация: В статье, на примере жития Св. Серафима Саровского, сделана попытка воспользоваться лакановской матемой дискурса господина в качестве модели социального действия, не ведущего к смене господствующего означающего и сохраняющего внутри «общества спектакля» свою анонимность.

Ключевые слова: дискурс господина, господствующее означающее, прибавочное наслаждение.

A. K. CHERNOGLAZOV

BELOW THE HORIZONTAL LINE

Annotation: The article, taking the life of St. Seraphim of Sarov as an example, uses the Lacanian formula of the master's discourse as a model of social action which does not require a change to another master signifier and preserves within the society of the spectacle its anonymity.

Key words: discourse of the master, master signifier, plus-de-joissance.

Преподобный Серафим Саровский был одним из очень немногих святых (их было менее десятка), канонизированных Русской православной церковью в так называемый послепетровский период. Всякий, кому доводилось читать (или хотя бы просто пролистывать) летописи Дивеевской обители или иные книги и материалы, повествующие о его жизни, будут поражены необычностью этого человека, равно как и даром его привлекать, собирать вокруг

* Черноглазов Александр Константинович, филолог, переводчик с английского, немецкого и французского языков, в том числе «Семинаров» Жака Лакана, лауреат премий Андрея Белого (2009) и Мориса Ваксмахера (2012).

себя незаурядных, духовно одаренных людей самых разных возрастов и сословий. Он был родом из Курска, происходил из купеческой семьи, при этом он рано почувствовал тягу к монашеской жизни и еще юношей отправился паломником в Киев. Там Серафим (тогда еще носивший имя, данное ему при крещении: Прохор) встретил жившего в затворе недалеко от Киевской лавры отшельника Досифея, от которого и получил благословление на иноческую жизнь в Саровской пустыни нижегородской губернии. Придя в Саровскую пустынь, он скоро стал известен своей аскетической жизнью и удалился в лес, где и прожил несколько лет отшельником, вернувшись в монастырь только после того, как был искалечен разбойниками, и прежняя жизнь стала для него невозможна. В монастыре он жил в затворе, принимая людей, приходивших к нему за советом и наставлением, и вскоре прославился даром прозорливости и чудесами.

Все это, при всей незаурядности духовного дара старца, кажется довольно обычным: подобных житий мы читали немало, и в образе жизни его узнаются знакомые, типические черты отшельника и подвижника. Но есть в ней особенность, выделяющая Серафима из общего ряда, единственная в своем роде черта. Дело в том, что после возвращения из лесного затвора старец посвятил всю свою жизнь попечению о небольшой, находившейся в девятнадцати километрах от Саровской пустыни, женской общине, состоявшей как бы «под крылом» духовно окормлявшей ее обители. Именно его попечением община эта выросла и стала большим — на сегодня, возможно, самым большим в России — женским монастырем. Старец не только духовно руководил сестрами и помогал им советом, он устраивал их жизнь в малейших деталях, дал им молитвенный устав, помогал в строительстве, в пропитании,

Прп. Досифей Китаевский.
Гравюра. XIX в.

в приобретении земли, чертил планы зданий, проявлял трогательную заботу о нуждах каждой из них и общины в целом. Они были для него, по собственным его словам, сестрами и чадами; многие из них вступили на путь монашества по его благословению и совету; с некоторыми, самыми близкими, он делился самыми сокровенными мыслями и прозрениями. Одной из них, юрודивой Пелагии, прозванной «Серафимов Серафим», доверил он после своей смерти «побережь моих сирот», как назвал он сестер. Другая, Парасковья, дожила до 1917 года, и успела предсказать государю грядущую революцию.

Земля обители была провозглашена Серафимом, подобно Афону и Киевской лавре, уделом Пресвятой Богородицы и окружена, по его наставлению, канавкою, существующей и по сей день. Богородицу же он почитал настоятельницей обители, устроенной им для девиц: почитая девство особенным даром, он отделил их от прочих насельниц, указав им особое место жительства.

Более того, судьба распорядилась так, что и погребен он оказался в созданной им женской обители. Дело в том, что после революции останки его были перевезены из Сарова в Казанский собор Петербурга, превращенный в музей атеизма, где и пролежали под спудом до перестройки. Саров меж тем стал — и остается — закрытой территорией из-за расположенных поблизости оборонных заводов. В результате мощи были возвращены не в Саровскую пустынь, где находились изначально, а в восстановленное ныне и любимое им Дивеево, куда и сходятся к ним ныне множество желающих почтить память старца паломников.

Как видим, судьба преподобного Серафима оказалась тесно связана с возрождением и расцветом в России женской монашеской жизни: Саровская пустынь, где начал он подвизаться, больше не существует, а рядом, практически на месте ее, возникла и процветает до наших дней едва ли не самая значительная и почитаемая ныне женская обитель России, да и всего православного мира.

Чем объясняется это неожиданное, особенно для того времени, любовное, трепетное попечение святого старца о женщинах и прежде всего девушках, желающих посвятить себя монашеской жизни? О юности его нам известно немного, но одна деталь обращает на себя неожиданно наше внимание. Дело в том, что по некоторым источникам старец, благословивший Прохора на иноческий подвиг, был... женщиной.

История эта до сих пор неясна. С одной стороны, старец Досифей уже прославлен и почитается русской Церковью как преподобная старица Досифея. С другой, Православная энциклопедия в посвященной старцу Досифею статье дает понять, что сведения, на которых основано это предание, недостоверны. Но мы не станем пересказывать эти доступные теперь всем материалы. Для нас важен и симптоматичен сам факт, что неопределенность так и остается неразрешенной. Согласно легенде, Досифея, в девичестве Дарья, с детства мечтала об отшельнической жизни, но желания своего удовлетворить не могла, поскольку в восемнадцатом столетии, в царствование Екатерины, монашество вообще находилось в упадке, и вести отшельническую жизнь было в России для девушки невозможно. Именно это и побудило Дарью к монашескому подвигу под видом мужчины: подвизаясь многие годы неподалеку от Киевской лавры, она прославилась своей аскетической жизнью, и многие приходили к ней за советом и руководством — в числе их и был юный Прохор. Раскрыта тайна ее была после смерти, но тут же, во избежание кривотолков, покрыта молчанием. Известно о ней стало уже позднее, когда интерес к Досифею появился вновь, задним числом, как к человеку, благословившему на иночество преподобного Серафима. Именно к этому времени и относятся письменные источники, предавшие эту историю широкой огласке. Тайна преподобной Досифеи так и остается, однако, до сих пор тайной — мы не знаем, насколько вся эта история достоверна.

Но если допустить, что Досифей действительно был подвизавшейся в иночестве девицей, сумевшей осуществить то, в чем обществом ей было отказано, то на жизнь преподобного Серафима ложится совершенно особый отсвет — ведь всю жизнь свою он посвятил тем женщинам — и, в первую очередь, девушкам, — которые стремились, подобно Досифее, к иноческому подвигу, но не могли своего желания, в силу общественных условий, осуществить. Речь, по сути дела, идет о женском неравноправии — вопросе, как видим, актуальном не только в светской, но и в церковной, православной среде.

Но решается этот вопрос здесь, как видим, совершенно иначе — действие в социальном поле следует совершенно иной модели. И в поисках этой модели мы обратимся к схеме, которая кажется нам, в данном случае, на удивление плодотворной — к лакановской схеме «дискурса господина»¹.

$$\frac{S_1}{S} \rightarrow \frac{S_2}{a}$$

И в самом деле: в верхней левой позиции стоит у Лакана то, что он называет господствующим означающим, агентом действия, — именно эта роль принадлежит в нашей истории преподобному Серафиму. Под ним — скрытый под горизонтальной чертой невидимый, вытесненный со сцены господствующим означающим расщепленный субъект, — в данном случае, Досифей / Досифея. Это она благословила преподобного Серафима и, если легенда права (о чем мы, конечно, не знаем), именно ее желание осуществляет он — со знавая то или нет — в течение всей своей жизни, именно оно одушевляет всю его деятельность, является ее скрытым — быть может, и для самого старца — мотивом.

Позиция, которую занимает этот субъект, Лакан называет позицией истины. И в дискурсе господина позицию эту занимает у него женщина. Более того, она входит у него в определение Женщины как таковой, Женщины с родовым, определенным артиклем. «Есть только один способ написать слово Женщина, не зачеркивая определенный артикль, — говорит он, — сделать это на уровне, где женщина — это истина. Вот почему говорить о ней можно, только недоговаривая»². Что до конкретной женщины, то существование ее зависит между «существованием, которое обнаруживает себя, себя утверждая, и Женщиной, поскольку она не обнаруживает себя»³.

Эти слова кажутся на первый взгляд темными: формула Лакана, гласящая, что Женщина с большой буквы (с определенным артиклем) не существует, комментировалась множество раз. Но здесь, в нашем случае, смысл их предстает нам наглядно, открыто. И действительно: говорить о Досифее можно лишь косвенно, недосказанно; в отличие от Серафима, который «обнаруживает себя, себя утверждая», она занимает позицию, где само существование ее «зависает в неопределенности», — неопределенности так и не разрешенной, да и принципиально, как Лакан полагает, неразрешимой. Но только так, незримо, не предъявляя за себя никаких гарантий, и входит в мир истина — именно так вошел в него, как известно, и сам Спаситель.

Справа вверх — позиция, которую Лакан называл «позицией труда»: это вся многообразная деятельность старца, то деятельное неустанное попечение, с которым Серафим выполняет то, что сам всегда считал своим предназначением, совершаемой через него воли Божией. Его подвиг, его труды нам известны, известны нам и их видимые результаты. Но есть у него и еще один, невидимый, плод — плод, обозначенный на схеме строчную

буквой *a*, занимающую позицию, обозначенную Лаканом как продукт. Плодом этим является *plus-de-juissance*, прибавочное наслаждение, наслаждение тайное, лежащее под чертой, — доступа к нему у нас нет: мы не знаем даже, существует ли субъект, который испытывает его. «У нее, той, что не существует и ничего не значит, есть свое, собственное наслаждение»⁴, — говорит Лакан. Наслаждение по ту сторону фаллоса — добавляет он: «Движению за освобождение женщин это придало бы солидности».⁵ Именно такой плод и принесла деятельность Серафима преподобной Досифее, чье тайное желание было им, вольно или невольно, воплощено в жизнь, принесла ей и всем девушкам и женщинам, кто стремился и стремится сегодня, как и она, к иноческому подвигу.

Деятельность, совершаемая над горизонтальной чертой, протекает явно, у всех на глазах. Но в основе этой деятельной, мужской активности, лежит скрытое от глаз, тайное женское желание, — именно ему служит здесь весь взятый на себя Серафимом подвиг, приношение Пресвятой Богородице, а с ней и всем девам, которым она покровительствует, — нового, третьего, наряду с Афоной и Киевской лаврою, земного удела. То, что представляется нам результатом его трудов, оказывается тайным плодом молитвы и благословения женщины, о которой нам до сих пор неизвестно, существовала ли она вообще, хотя твердо знаем, что «топологически», как сказал бы Лакан, она совпадает с истиной, соименна ей. Как совпадает с истиной, тезоименит ей, сам Иисус («Я есмь Истина»), чье существование нам никто и ничто тоже не гарантирует.

Как видим, здесь, в церковном мире, женщина не выступает в защиту своих прав, как делает это она в светской жизни: явно, открыто. Она не выходит на политическую или общественную сцену, не вступает в политическую борьбу, не пытается стать, как происходит это сейчас, новым господствующим означающим. Она действует невидимо, исподволь, но не отступает от своего желания ни на йоту и получает в итоге то, чего была лишена, не в результате борьбы, а в дар, не по закону, а по благодати. Иными словами, она получает все это, не показываясь над пресловутой горизонтальной чертой, не вступая в «мужскую» по определению иерархию и, тем более, не опрокидывая ее; не претендуя, говоря психоаналитическим языком, на присвоение и усвоение себе фаллического означающего. Она предоставляет мужскому, фаллическому миру быть, зная, что самое важное

происходит не на сцене пресловутого «общества спектакля» (Ги Дебор), а ниже, под чертой, где на желание еще не надета смирительная «фаллоцентрическая» рубаша.

Различая женскую и мужскую позицию, Лакан не раз говорил, что позиции эти не предписаны человеку его анатомическими особенностями, что они выбираются им⁶. Иными словами, речь идет о двух разных модусах, в которых человек может в этом мире существовать, действовать, получать наслаждение. Не хотелось бы, однако, сводить здесь сказанное к вопросу борьбы женщины за свои права. Мне представляется, напротив, что способ, которым Досифей / Досифея бескомпромиссно осуществляет свое желание в этом мире, может послужить образцом, некоей нуклеарной моделью, которая позволяет нам, современным людям, избежать тяготеющего над нами проклятия, вырваться из-под власти того общества спектакля, что обращает всякое наше действие в зрелище, отчуждая его и подчиняя законам наживы и прибыли. Мне представляется, что именно жизнь Досифея / Досифеи, как и дивеевских юродивых Пелагеи и Параскевы, духовных детей старца, а через него, таинственным образом, и ее собственных, может послужить образцом, следуя которому — не слепо, но творчески — сможем мы ценой анонимности жить в современном мире, не поступаясь своим желанием и не утрачивая человеческого достоинства. Жить под чертой — в том мире, где нет, как говорит апостол, ни мужского, ни женского, но где все и во всех — Христос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лакан Ж. Семинар XVII. М.: Гносис, 2008. С. 31.

² Лакан Ж. Семинар XX. М.: Логос, 2011. С. 123.

³ Ibid.

⁴ Лакан Ж. Семинар XX. С. 88.

⁵ Ibid.

⁶ См. напр.: Лакан Ж. Семинар XX. С. 85, 95.